

Лидия Чарская

Лидия Чарская

Мужские
новости
для девочек

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-22

*Рисунки на обложке
Е. Попковой*

Дизайн серии и обложки Н. Сушковой

Чарская, Лидия Алексеевна.

Ч-22 Лучшие повести для девочек / Л. Чарская — Москва :
Издательство АСТ, 2015. — 765, [3] с. — (Вся детская
классика).

ISBN 978-5-17-068074-0.

У героинь замечательных книг Лидии Чарской есть чему
поучиться: доброта, благородство, смелость, отзывчивость...

И пусть иногда за подобные качества в жизни им приходилось
страдать, но эти страдания, как и в жизни, окупались сторицей.

Ведь только такие светлые люди способны на любовь, дружбу,
подвиг во имя Родины...

Для среднего школьного возраста.

**УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.06.2015
Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура Школьная. Усл. печ. л. 40,32
Доп. тираж экз. Заказ №

© Попкова Е. В., ил., 2010

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ

*Моим дорогим подругам, бывшим
воспитанницам Павловского
института, выпуска 1893 года,
этот скромный труд посвящаю.*

Автор

Глава I

ОТЪЕЗД

В моих ушах еще звучит пронзительный свисток локомотива, шумят колеса поезда — и весь этот шум и грохот покрывают дорогие моему сердцу слова:

— Христос с тобой, деточка!

Эти слова сказала мама, прощаясь со мною на станции.

Бедная, дорогая мама! Как она горько плакала! Ей было так тяжело расставаться со мною!

Брат Вася не верил, что я уезжаю, до тех пор, пока няня и наш кучер Андрей не принесли из кладовой старый чемоданчик покойного папы, а мама стала укладывать в него мое белье, книги и любимую мою куклу Лушу, с которой я никак не решилась расстаться. Няня туда же сунула мешок вкусных деревенских коржиков, которые она так мастерски стряпала, и пакетик малино-

вой смоквы, тоже собственного ее приготовления. Тут только, при виде всех этих сборов, горько заплакал Вася.

— Не уезжай, не уезжай, Люда, — просил он меня, обливаясь слезами и пряча на моих коленях свою курчавую головенку.

— Люде надо ехать учиться, крошка, — уговаривала его мама, стараясь утешить. — Люда приедет на лето, да и мы съездим к ней, может быть, если удастся хорошо продать пшеницу.

Добрая мамочка! Она знала, что приехать ей не удастся, — наши средства, слишком ограниченные, не позволяют этого, — но ей так жаль было огорчать нас с братишкой, все наше детство не расстававшихся друг с другом!..

Наступил час отъезда. Ни я, ни мама с Васей ничего не ели за ранним завтраком. У крыльца стояла линейка; запряженный в нее Гнедко умильно моргал своими добрыми глазами, когда я в последний раз подала ему кусок сахара. Около линейки собралась наша немногочисленная дворня: стряпка Катря с дочуркой Гапкой, Ивась — молодой садовник, младший брат кучера Андрея, собака Милка — моя любимица, верный товарищ наших игр, и, наконец, моя милая старушка няня, с громкими рыданиями провожающая свое «дорогое дитятко».

Я видела сквозь слезы эти простодушные любящие лица, слышала искренние поже-

лания «доброй панночке» и, боясь сама разрыдаться навзрыд, поспешно села в бричку с мамой и Васей.

Минута, другая, взмах кнута — и родимый хутор, тонувший в целой роще фруктовых деревьев, исчез из вида. Потянулись поля, поля бесконечные, милые, родные поля близкой моему сердцу Украины. А день, сухой, солнечный, улыбался мне голубым небом, как бы прощаясь со мною...

На станции меня ждала наша соседка по хуторам, бывшая институтка, взявшая на себя обязанность отвезти меня в тот самый институт, в котором она когда-то воспитывалась.

Недолго пришлось мне побыть с моими в ожидании поезда. Скоро подползло ненавистное чудовище, увозившее меня от них. Я не плакала. Что-то тяжелое надавило мне грудь и клокотало в горле, когда мама дрожащими руками перекрестила меня и, благословив снятым ею с себя образком, повесила его мне на шею.

Я крепко обняла дорогую, прижалась к ней. Горячо целуя ее худенькие, бледные щеки, ее ясные, как у ребенка, синие глаза, полные слез, я обещала ей шепотом:

— Мамуля, я буду хорошо учиться, ты не беспокойся.

Потом мы обнялись с Васей, и я села в вагон.

Дорога от Полтавы до Петербурга мне показалась бесконечной.

Анна Фоминишна, моя попутчица, старалась всячески рассеять меня, рассказывая мне о Петербурге, об институте, в котором воспитывалась она сама и куда везла меня теперь. Поминутно при этом она угощала меня пастилой, конфетами и яблоками, взятыми из дома. Но кусок не шел мне в горло. Лицо мамы, такое, каким я его видела на станции, не выходило из памяти, и мое сердце больно сжималось.

В Петербурге нас встретил невзрачный, серенький день. Серое небо грозило проливным дождем, когда мы сходили на подъезд вокзала.

Наемная карета отвезла нас в большую и мрачную гостиницу. Я видела, сквозь стекла ее, шумные улицы, громадные дома и беспрерывно снующую толпу, но мои мысли были далеко-далеко, под синим небом моей родной Украины, в фруктовом садике, подле мамочки, Васи, няни...

Глава II

НОВЫЕ ЛИЦА, НОВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Было 12 часов дня, когда мы подъехали с Анной Фоминишной к большому красному зданию в X-ой улице.

— Это вот и есть институт, — сказала мне моя спутница, заставив дрогнуть мое и без того бившееся сердце.

Еще больше обомлела я, когда седой и строгий швейцар широко распахнул передо мной двери... Мы вошли в широкую и светлую комнату, называемую приемной.

— Новенькую-с привезли, доложить прикажете-с княгине-начальнице? — важно, с достоинством спросил швейцар Анну Фомишну.

— Да, — ответила та, — попросите княгиню принять нас, — и она назвала свою фамилию.

Швейцар, неслышно ступая, пошел в следующую комнату, откуда тотчас же вышел, сказав нам:

— Княгиня просит, пожалуйста.

Небольшая, прекрасно обставленная мягкой мебелью, вся застланная коврами комната поразила меня своей роскошью. Громадные трюмо стояли между окнами, скрытыми до половины тяжелыми драпировками; по стенам висели картины в золоченых рамах; на этажерках и в хрустальных горках стояло множество прелестных и хрупких вещей. Мне, маленькой провинциалке, чем-то сказочным показалась вся эта обстановка.

Навстречу нам поднялась высокая, стройная дама, полная и красивая, с белыми как снег волосами. Она обняла и поцелова-

ла Анну Фоминишну с материнской нежностью.

— Добро пожаловать, — прозвучал ее ласковый голос, и она потрепала меня по щечке.

— Это — маленькая Людмила Влассовская, дочь убитого в последнюю кампанию Влассовского? — спросила начальница Анну Фоминишну. — Я рада, что она поступает в наш институт... Нам очень желанны дети героев. Будь же, девочка, достойной своего отца.

Последнюю фразу она произнесла по-французски и потом прибавила, проводя душистой мягкой рукой по моим непокорным кудрям:

— Ее надо остричь, это — не по форме. Аннет, — обратилась она к Анне Фоминишне, — не проводите ли вы ее вместе со мною в класс? Теперь большая перемена, и она успеет ознакомиться с подругами.

— С удовольствием, княгиня! — поспешила ответить Анна Фоминишна, и мы все трое вышли из гостиной начальницы, прошли целый ряд коридоров и поднялись по большой, широкой лестнице во второй этаж.

На площадке лестницы стояло зеркало, отразившее высокую красивую женщину, ведущую за руку смуглое, кудрявое маленькое существо, с двумя черешнями вместо глаз и целой шапкой смоляных кудрей.

«Это — я, Люда, — мелькнуло молнией в моей голове. — Как я не подхожу ко всей этой торжественно-строгой обстановке!»

В длинном коридоре, по обе стороны которого шли классы, было шумно и весело. Гул смеха и говора доносился до лестницы, но лишь только мы появились в конце коридора, как тотчас же воцарилась мертвая тишина.

— Маман, Маман идет, и с ней новенькая, новенькая, — сдержанно пронеслось по коридорам.

Тут я впервые узнала, что институтки называют начальницу «Маман».

Девочки, гулявшие попарно и группами, останавливались и низко приседали княгине. Взоры всех обращались на меня, менявшуюся в лице от волнения.

Мы вошли в младший класс, где у маленьких воспитанниц царило оживление. Несколько девочек рассматривали большую куклу в нарядном платье, другие рисовали что-то у доски, третьи, окружив пожилую даму в синем платье, отвечали ей урок на следующий день.

Лишь только Маман вошла в класс, все они моментально смолкли, отвесили начальнице условный реверанс и уставились на меня любопытными глазами.

— Дети, — прозвучал голос княгини, — я привела вам новую подругу, Людмилу Влас-

совскую, примите ее в свой круг и будьте добрыми друзьями.

— Mademoiselle, — обратилась Маман к даме в синем платье, — вы займитесь новенькой.

Затем, обращаясь к Анне Фоминишне, она сказала:

— Пойдемте, Аннет, пусть девочка познакомится с товарками.

Анна Фоминишна послушно простилась со мною. Мое сердце ёкнуло. С нею уходила последняя связь с домом.

— Поцелуйте маму, — шепнула я ей, силясь сдержать слезы.

Она еще раз обняла меня и вышла вслед за начальницей.

Лишь только большая стеклянная дверь закрылась за ними, я почувствовала полное одиночество.

Я стояла, окруженная толпою девочек — черненьких, белокурых и русых, больших и маленьких, худеньких и полных, но безусловно чужих и далеких.

— Как твоя фамилия? Я недослышала, — спрашивала одна.

— А зовут? — кричала другая.

— Сколько тебе лет? — приставала третья.

— А ты любишь пирожные? — раздался голос со стороны.

Я не успевала ответить ни на один из этих вопросов.

— Влассовская, — раздался надо мною строгий голос классной дамы, — пойдете, я покажу вам ваше место.

Я вздрогнула. Меня в первый раз называли по фамилии, и это неприятно подействовало на меня.

Классная дама взяла меня за руку и отвела на одну из ближайших скамеек. На соседнем со мною месте сидела бледная, худенькая девочка, с двумя длинными блестящими черными косами.

— Княжна Джаваха, — обратилась классная дама к бледной девочке, — вы покажете Влассовской заданные уроки и расскажете ей правила.

Бледная девочка встала при первых словах классной дамы и подняла на нее большие черные и недетски серьезные глаза.

— Хорошо, мадемуазель, я все сделаю, — произнес несколько гортанный, с незнакомым мне акцентом голос, и она опять села.

Я последовала ее примеру.

Классная дама отошла, и толпа девочек нахлынула снова.

— Ты откуда? — звонко спросила веселая толстенькая блондинка с вздернутым носиком.

— Из-под Полтавы.

— Ты — хохлушка! Ха-ха-ха!.. Она, mesdames, хохлушка! — разразилась она веселым раскатистым смехом.